



Сергей Милушкин



тайна школьного фотоальбома

ПРОПАВШИЕ

Сергей Милушкин

**Пропавшие. Тайна
школьного фотоальбома**

«Автор»

2024

Милушкин С.

Пропавшие. Тайна школьного фотоальбома / С. Милушкин —
«Автор», 2024

Спустя тридцать лет с момента школьного выпуска главный герой открывает школьный фотоальбом и вспоминает старых друзей. Он решает отыскать кого-нибудь, чтобы узнать, как сложилась их судьба. Однако, все его попытки тщетны, он не может найти ни одного человека. Все они словно сквозь землю провалились. Герой начинает расследование и то что он обнаруживает, переворачивает его жизнь с ног на голову.

© Милушкин С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Милушкин

Пропавшие. Тайна школьного фотоальбома

Глава 1

НЕ СПИ, КРУГОМ ЗМЕИ

Дэниэл Л. Эверетт

Спустя тридцать лет с момента школьного выпуска главный герой открывает школьный фотоальбом и вспоминает старых друзей. Он решает отыскать кого-нибудь, чтобы узнать, как сложилась их судьба. Однако, все его попытки тщетны, он не может найти ни одного человека. Все они словно сквозь землю провалились. Герой начинает расследование и то что он обнаруживает, переворачивает его жизнь с ног на голову.

Каждый год на первое сентября я достаю из нижней шухлядки шкафа старый школьный альбом, удобно устраиваюсь в потертom кресле, рядом ставлю бутылку виски «Джек Дэниелс», стакан с двумя кубиками льда, прошу Алису включить какой-нибудь блюз. Почему-то она неизменно выбирает Gary Moore «Still Got The Blues» и я под берущие за душу аккорды медленно погружаюсь в прошлое.

Не могу вспомнить, в каком году я начал эту традицию. Может быть, сразу после возвращения из бразильских джунглей, где я изучал племя пираха, их язык и обычаи и пытался понять, что можем мы, современные люди, почерпнуть у этих, по сути, первобытных людей.

Кажется, это случилось после третьей экспедиции, когда меня укусила местная ядовитая змея жарарака и я едва не погиб. Помню, как меня несли на самодельных носилках из лиан, а в голове помимо жуткой боли вертелись странные сюрреалистичные картинки из моего прошлого – я видел все не так как раньше – смутно, в дымке, а словно бы все это произошло вчера, – начиная с самых ранних лет и заканчивая школой, институтом, аспирантурой и экспедициями в разные части земли. Только вот мое восприятие всех этих событий сильно изменилось.

Меня внесли в лагерь. Помню, как надо мною склонился человек с длинными черными волосами, он дынул на меня сладковатым и одновременно горьким дымом, и сказал... точнее нет... слов не было. Я много раз вспоминал тот момент и пытался воспроизвести его в памяти, чтобы как можно точнее понять... прочувствовать, может быть, даже повторить его, но каждый раз я понимал – повторить мне это не удастся. Слов не было. Само его дыхание было наполнено смыслом, адресованным мне. Не знаю, как вам объяснить. Но я испугался того, что услышал. Потому что кое-какие догадки к тому времени у меня уже были.

Он сказал: «Никого нет».

Что он имел ввиду я узнал пятнадцать лет спустя.

Как обычно в этот день я достал старый школьный альбом. Он уже сильно обветшал, потускнел. Я положил его на стол и некоторое время смотрел на голубоватую обложку. Потом поставил рядом бутылку виски и стакан. Сходил к холодильнику, достал из морозильного отделения формочку со льдом и отковырял ножом два кубика. Лед был пронзительно холодный и тут же начал таять в руке. Не мешкая, я бросил его на дно стакана и налил до половины янтарной жидкости.

– Алиса, поставь какой-нибудь блюз...

– Конечно... Надеюсь, этот вас устроит.

В колонке что-то зашуршало, я даже подумал, что Алиса где-то скачала эффект прома- тываемой на магнитофоне пленки. Потом раздался щелчок и заиграла совсем другая, незнако- мая мне мелодия. Я даже вздрогнул от неожиданности. Хотел было возразить, но потом поду- мал, пусть будет как есть.

Уселся в кресло, рядом положил телефон, взял в руки альбом.

Я не поддерживал отношения с одноклассниками много лет. Сказать по правде, не видел никого с выпускного. Хотел встретиться, но постоянно были какие-то дела, командировки, экспедиции... а в те редкие моменты, когда оказывался в городе, думал, что буду чувствовать себя там максимально неловко. В итоге...

Я перевернул страницу. Взял стакан и сделал хороший глоток.

Двадцать восемь учеников и учениц одиннадцатого «Б» класса седьмой школы. Фото- графия тоже потускнела. Лица смотрели будто бы из бездны времени и, хотя от выпуска до настоящего дня прошел двадцать один год, я чувствовал какой-то подвох: будто бы прошли сотни, тысячи лет, а может быть и больше. И ни с кем из них я с тех пор не переговорил, не списался, не встретился. Наверное, потому что редко бывал в городе.

Но и мне никто не писал. Не звонил. Не интересовался. Хотя класс наш, надо признать, был очень дружным, – одна семья, так бы сейчас сказали. Даже хулиганы и те были свои, гото- вые выбить зубы любому, кто покусится на своих.

Несмотря на жару за окном, мне вдруг стало холодно, и рука снова потянулась за стака- ном.

Справа сверху выделялась фотография Виталика Ильина. Вихрастый, высокий, умный с большим лбом, слегка заносчивый, но если у тебя столько умища, сколько было у него, такой IQ, то, как говорится – сам бог велел. На него никто, разумеется, за эту заносчивость не оби- жался, уважая за мозги и гигантское потенциальное будущее. Он сидел позади меня, мы зани- мались вместе в кружке шахмат и настольного тенниса. Шахматы я, разумеется, ему сливал, а вот теннис – тут брал реванш и он, разумеется, сильно обижался. Не любил проигрывать. Впрочем, мы ладили. Лишь однажды в седьмом классе сильно повздорили из-за Лены Куд- рявцевой, точнее, из-за того, кто будет ее провожать. Невероятной красоты была девчонка, но после восьмого класса ушла. А жаль. В том споре победил я – точнее она меня сама выбрала и до ее ухода между мной и Виталиком улеглась черная кошка. Которая пропала потом также быстро, как и появилась.

Я всмотрелся в его лицо. Где он теперь? Кто он? Возможно... профессор в каком-нибудь институте... а может быть, руководитель крупной фирмы... в догадках я протянул руку, взял стакан с виски и сделал глоток.

Ничего с тех пор о нем я не слышал. Может быть... Вообще я зарекся кому-нибудь писать, звонить, искать встречи. Прошлое нужно оставить в прошлом – таков был мой девиз. Но сегодня что-то изменилось. Может быть другая песня, звучавшая из колонки, может быть какой-то особенный сентябрьский зной, повисший за окном...

Я взял телефон, открыл Яндекс, быстро набрал в поиске «Виталий Ильин». Разумеется, там были десятки тысяч вариантов и пролистав пару страниц, я понял, что так ничего толкового не найду.

Поиск по фотографиям также не дал никаких результатов.

– Ладно... давай Вконтакте что ли...

Я открыл ВК, набрал в поиске имя и фамилию одноклассника, уточнил город, школу и год выпуска. Замечательная функция, – пронеслось у меня в голове.

Надпись на сером фоне обескуражила меня:

«Ваш запрос не дал результатов».

– Хм...

Я убрал год выпуска. Пусть выдаст всех, мало ли, может быть, он не точно ввел этот год или вообще не ввел.

«Ваш запрос не дал результатов».

– Да что за фигня!

Попеременно я расширял поиск и в конце концов понял, что бесполезно.

– Наверное, у него нет странички ВКонтакте, – догадался я. – Что ж... попробуем «Одноклассники».

Однако, через десять минут я убедился, что и в одноклассниках моего товарища нет.

Я пробовал вводить «Виталик», «Виталий», «Вит» – последним именем мы его и называли между собой, но безуспешно.

– Странно... – вслух сказал я, хлебнул виски и, раздосадованный, встал с кресла. Подошел к окну, посмотрел на улицу. В школьном дворе напротив моих окон бегали и прыгали нарядно одетые дети. Только что закончилась линейка. Я слышал невнятные слова, раздававшиеся из громкоговорителя, потом заиграла песня «Сережки и Наташки, теперь мы первоклашки...», смех и крики ребят и, наконец, первый звонок.

Не знаю, что я почувствовал, когда услышал его. Скорее всего, облегчение. Что мне не нужно сейчас идти и садиться за парту, дрожать за невыученные уроки, переживать, что Наташка после каникул стала еще красивее, но совсем не обращает на меня внимания и тому подобное.

А с другой стороны... какое-то странное сентиментальное смятение охватило меня. Вполне возможно, что виной был «Джек Дениелс», но я знал, что если это и так – то лишь отчасти. Все-таки я действительно скучал по тем временам. Скучал по лицам друзей, по тайным перекурам во дворе за школьной лестницей, по каким-то своим тайнам, находкам, открытиям, по субботним вылазкам всем классом на природу, по сходкам у кого-нибудь дома и вообще...

– Черт возьми! – я выругался и решительно вернулся к креслу. – Оля Молчанова... – На фото она была справа, голова чуть повернута влево, выгодно подчеркивая красивые скулы и нос. Холодная, неприступная и такая... я даже слова не мог подобрать.

Через пятнадцать минут, тяжело дыша, я убедился, что никакой Оли Молчановой в Интернете нет. Никаких следов. Вообще ничего, даже отдаленно напоминающее ее. Я понимал, что, возможно, Оля давно сменила фамилию, адрес, место жительства, не указала год рождения и город проживания, школу и все такое... поэтому сразу перешел к моему лучшему школьному другу. Его звали Петр Чайковский. Да, по кличке «музыкант», хотя к музыке он имел такое же отношение как я к балету. Толстый, смешливый, юморной, легкий на подъем (что удивительно при его комплекции), Петя было душой класса, если можно так выразиться. Заводилой. Учился он так себе, что совершенно его не смущало и не сказывалось на его эмоциональном состоянии. Наверное, я больше переживал, когда он в очередной раз хватал двойку по математике, не успев списать на перемене домашку, которую я заботливо ему подсовывал.

– Петя, Петя... – пробормотал я, касаясь подушечкой пальца тисненой поверхности большой фотографии.

Наша связь оборвалась не сразу после школы. Какое-то время мы даже поддерживали отношения, один раз я увидел его в окошке отходящего троллейбуса и помахал. Мне показалось, его лицо было грустным и каким-то удивленным, будто бы он не понимал, куда попал – что на него было совсем не похоже. Помню, его лицо, исчезающее в мутном стекле троллейбуса, произвело на меня какое-то давящее впечатление и стал винить себя, что редко ему пишу и вообще не интересуюсь как он там. Может быть, ему требовалась моя помощь... но я в тот год выехал в Турцию на раскопки старинного поселения Кайырлы в провинции Нигде, жизнь закрутилась и я вовсе потерял с ним (и остальными одноклассниками) какую бы то ни было связь.

Петька жил в соседнем доме. У него точно была страничка ВКонтакте и мне не надо было ее даже искать, потому что я писал ему в чате.

Открыв телефон, я вздохнул. Что я ему скажу?

– Да какая разница! – в сердцах сказал я сам себе. – Здорово, как насчет стаканчика «Джек Дениелс», – думаю такое начало кого угодно устроит.

Я открыл переписки ВК. Начал отматывать многочисленные рабочие сообщения, перемежаемые каким-то спамом, странными просьбами от незнакомцев, предложениями рекламы и всякой подобной чепухи. Я искал знакомую аватарку, хотя понимал, что он ее уже давно изменил. Но пропустить имя «Петр Чайковский» я точно не мог.

И тем не менее...

– Да елки-палки... – палец начал уставать, я уже отмотал сообщения на пять лет назад, но никакого Петра не находил. Потом я вспомнил, что сверху чатов был поиск, быстро вернулся назад и ввел имя «Петр Чайковский».

Кружочек поиска замер, прокрутился несколько раз, снова замер. Наконец, на темном фоне приложения появилась знакомая надпись:

«По вашему запросу ничего не найдено».

Я тупо уставился на эти буквы, пытаюсь понять их смысл.

– Что значит... ничего не найдено?.. – медленно произнес я, чувствуя, как ладони вдруг стали влажными, а сердце пару раз ударило так сильно, что я вздрогнул. – Нет... я тебя спрашиваю, что значит – не найдено? – громко, с нарастающей яростью выкрикнул я молчаливому смартфону.

– Вы что-то хотели найти? Я могу вам помочь... – послышался голос Алисы из колонки.

Я покачал головой, вскочил, сунул в карман джинсов телефон и, закрыв дверь квартиры на замок, выбежал на улицу. Теплый ветерок взъерошил мои волосы. Мимо проехал мусоровоз. От него так пахло, что я мигом протрезвел. Повернулся, посмотрел на свой подъезд №17 по улице Летней. Давно не крашенный, облупившийся, испещренный непонятными надписями – где-там, рядом с доской объявлений и я писал «Metallica» – данным-давно. И Петька... он был фанатом «Modern Talking». Я подошел поближе к стене, но как ни пытался, наших отметин так и не нашел. Прошло слишком много времени, эти стены сто раз уже перекрашивались.

Петя жил через дорогу по Летней, 24.

Я пропустил маршрутку, которая оглушительно мне просигналила за переход в неположенном месте и показал кулак водителю. Через три минуты я был у его подъезда, который знал как свои пять пальцев. Окна выходили во двор – третий этаж пятиэтажки, справа. Занавески плотно задернуты. На балконе стоит что-то высокое и белое, похожее на пенопласт. Я пожал плечами. Дверь, несмотря на кодовый замок, была открыта и я быстро поднялся на третий этаж.

В подъезде пахло кислой капустой. Откуда-то истошно кричала женщина. Я прислушался и через пару минут понял, что это, видимо, тренер фитнеса или чего-то в таком роде проводила занятия по интернету:

– Давай, давай, еще разочек, родненькие, кто не может пошли вон...

Я поморщился. Однако, крики этой тетки придали мне уверенности, и я нажал на круглую кнопку старого звонка.

К двери долго не подходили. Я поднял руку, чтобы позвонить еще раз, когда услышал негромкие шаги.

– Кто там? – послышался женский голос.

Я замешкался. Кто я?

– Это... я... простите, человека ищу...

Через секундную паузу замок со скрежетом провернулся, дверь открылась. И темной квартиры пахло чем-то очень старым, я бы даже сказал, потусторонним. Передо мной стояла

женщина средних лет в сером пуховом платке. Несмотря на жару, она куталась в него так, что я невольно почувствовал озноб.

– Пр... простите... я... тут раньше жил... мой друг, мы учились в седьмой школе... Петя Чайковский... – я говорил, одновременно понимая, как нелепо звучат мои слова.

Ее цепкие глазки оглядели меня с ног до головы.

– Я живу тут уже сорок лет, – сказала она быстро. – Никакого Чайковского не было тут никогда. Я и замужем-то не была, – прибавила она.

Однако что-то в ее испуганном виде меня насторожило.

– Мы учились вместе, я был тут сто раз у него, как не знаете?! – я повысил голос.

– Молодой человек, вы что-то путаете. Уходите, иначе я вызову полицию.

«Ну не может же она Петьку в заложники взять, – подумал я, еще раз оценив ее тщедушную фигурку. – Это просто невозможно!»

Я покачал головой, но решил судьбу не испытывать. Она вполне могла позвонить в полицию и тогда, учитывая, что я выпил, объяснение в участке могло затянуться до вечера, а то и перейти на следующий день, – в зависимости от настроения стражей порядка.

– Черти что... – произнес я.

Женщина захлопнула дверь перед моим носом.

Совершенно оглушенный, я повернулся и пошел вниз по лестнице. Навстречу поднимался тщедушный старичок с совершенно седой головой. Я пригляделся и узнал его – это был Макарыч с последнего этажа. В нашей юности он был довольно крепким мужчиной, у него еще был гараж во дворе, а в гараже – старая «Волга», с которой он дневал и ночевал. Мы часто с Петькой торчали у него в гараже и вечером он катал нас по городу, а мы кричали в открытые окна автомобиля от восторга и счастья.

– Макарыч... – вырвалось у меня...

Старик замер, поднял голову. Наши глаза встретились. Какое-то огонек пробежал в них, и я обрадовался – он узнал, узнал меня!

– Здравствуйте, Макарыч! – я совершенно забыл его имя, да мы никогда и не называли его по имени. Только Макарыч. – Вы... помните меня?

Старик по инерции сделал еще шаг и остановился. В полутьме лестничной клетки, он прищурился. В руке мужчина держал пакет, из которого выглядывал батон.

Он стоял всего секунду, потом повернулся и стал подниматься дальше.

– Не помню, – буркнул он, когда поравнялся со мной. – Никогда вас не видел.

– Как это?! – я остолбенел и схватил его за тощую, жилистую руку. – Стойте! А Петьку, Петьку Чайковского из девятой квартиры помните? Мы у вас в гараже часто бывали, а вы потом нас на своей Волге катали!

Лицо старика сморщилось. Он посмотрел на дверь, которую минуту назад захлопнула перед моим носом женщина в пуховом платке.

– Знать не знаю никакого Петьку. В девятой квартире всю жизнь жила Ирина Семеновна. Она там и родилась. Родители ее погибли, когда ей было девять лет, ее воспитывала бабушка. И никакого Петьки там не было. И вас я тоже не знаю. Вы, наверное, ошиблись подъездом, – мягко сказал он, вырвал свою руку и пошел вверх.

– Я... погодите...

Но старик не слушал меня. Он ускорил шаг, а через минуту я услышал, как хлопнула подъездная дверь.

Внизу раздался вой полицейской машины и писк раций.

– Черт... – подумал я. – Все-таки вызвала.

Послышались голоса и тяжелые шаги.

– Она сказала третий этаж, вроде. Похож на грабителя из розыска, смотри осторожнее. Я почувствовал холодок в животе и медленно начал спускаться.

Первое сентября в этом году на задалось.

Глава 2

– Руки держи так чтобы я их видел! Выходи, выходи оттуда! – Рослый сержант полиции стоял на ступенях первого этажа (там, где почтовые ящики). На его поясе звякнули наручники. Из-за спины выглядывал второй полицейский – поменьше ростом с дубиной в руках. Оба буквально изнемогали от жары.

Я замер на подходе. Сердце забилося от волнения и невеселых мыслей.

– Мне что, подняться за тобой?! – рослый качнул телом, оглянулся назад и, задрал голову, снова уставился на меня. С его лба стекали крупные капли пота.

Я медленно начал спускаться. В принципе, ничего плохого они сделать мне не могли. Я ни в чем не был виновен, ни разу не привлекался, недоплаченных штрафов не имел. Зато... от меня разило виски на километр.

Полицейский учуял шлейф с трех метров и плотоядно ухмыльнулся.

– Закладчик? – поинтересовался он, опуская руку на дубинку.

Я качнул головой.

– Нет, друга искал.

– Друга, говоришь? Ну-ну... иди, иди сюда...

Я подошел и остановился рядом. Какие у меня права? Что я могу, а чего нет... черт его знает...

Он подошел ближе, проворно прошелся по моим карманам, обнаружил смартфон и визитницу с двумя банковскими карточками.

– Так-с... Антон Михайлов? – спросил он после того, как разобрал латинские буквы на пластике.

– Да. Где живешь, Антон Михайлов?

– Летняя, 17.

– Через дорогу, что ли? – удивился полицейский.

– Точно.

– А что тут забыл? – снова спросил он, будто не услышал моего ответа.

– Говорю же, друга искал.

– Нашел?

Я отрицательно покачал головой.

Второй полицейский, тот, что стоял позади, прошел чуть вперед, прислушиваясь к нашему разговору.

– Нет.

– Употреблял?

– «Джек Дэниелс» по случаю дня знаний...

– Где работаешь?

– Я антрополог...

– Что? Кто это?

– Что-то с моргом связанное, – хохотнул полицейский, что стоял позади. Он ударил себя палкой по бедру. Раздавшийся звук заставил меня вздрогнуть. Несмотря на то, что я работал с племенами, которые теоретически запросто едят людей и находил с ними общий язык, с этими ребятами я не то что не чувствовал себя в безопасности, я даже не понимал, какое у них настроение и что произойдет в следующую секунду.

– Почти угадали, я изучаю людей. Только живых.

– Ну во, видишь Андрюха, я угадал!

– Понятно... – сказал здоровяк, вытирая пот со лба. – Так чего ты здесь делаешь?

– Искал друга... – в третий раз сказал я, чувствуя закипающее раздражение.

«Успокойся, им только того и надо – вывести тебя из себя. Тогда у них будет законное право размяться, а потом закинуть твою тушку в Бобик и отвезти в опорный пункт. Возможно, план на сегодня еще не выполнен, и ты станешь легкой добычей»

Я постарался расслабиться.

– Друга... что за друг?

– Я семерке учился тридцать лет назад...

– В семерке? – оживился второй. – Ух ты... я тоже оттуда, только пять лет назад закончил. – Он вышел вперед и уставился на меня как на доисторического динозавра. – Самая старая у нас была... – он сморщил лоб... – Эта... как ее... биологичка... ей, кажется, лет девяносто было...

– София Аркадьевна. Кличка «Тычинка».

– Тычинка! – он радостно расплылся в широкой улыбке и снова хлопнул дубинкой себя по ноге. – Она мне кол за четверть как-то поставила, во гадина была! Хотя тетка отличная, че там...

– Ага, – поддакнул я.

– Так что ты тут делаешь? – спросил меня уже мелкий. Его напарник продолжал вытирать пот со лба.

– Послушайте... странная ситуация... здесь в девятой квартире жил мой друг Петя... Петр Чайковский. Жил с родителями и никуда, насколько я знаю, переезжать не собирался. А сегодня я прихожу, чтобы узнать, что с ним и оказывается, в той квартире живет совершенно другой человек и говорит, что никакого Петра там отродясь не было. Ни двадцать, ни тридцать лет назад – вообще никогда. Она, мол, родилась в этой квартире.

Полицейские переглянулись.

– Но я точно к нему приходил почти каждый день десять лет подряд – я не мог перепутать подъезд или дом, это просто невозможно.

– Да уж... – вздохнул мелкий.

– Не говори... – подтвердил здоровяк.

Потом как-то неожиданно, без малейшего сигнала, они обступили меня с двух сторон, взяли под руки и не говоря ни слова, потянули на выход. Рослый открыл дверь подъезда ногой. Заехав на тротуар двумя колесами, там уже стоял Уазик с распахнутой задней дверью.

Они подтащили меня к нему – впрочем, я не особо упирался (себе дороже) и втокнули внутрь, в очень тесный отсек позади.

– Съездим в одно место, там проверят и тебя и твоего друга, – подмигнул мне здоровяк. – А то что-то ты мне не нравишься.

Я успел взглянуть в окна третьего этажа – темная занавеска дернулась, но я никого не увидел.

– Вы бы лучше проверили, что там в девятой... – успел сказать я, прежде чем дверца Уазика закрылась.

– Проверим, не волнуйся.

Но я, разумеется, волновался. Ум за разум заходил. Не хватало еще с полицией проблем... впрочем, за распитие я уже, считай, попал. Возможно, штраф, возможно, и сутки. Хорошенькое первое сентября. Говорили же мудрые в прошлом – счастье в неведении. Зачем полез узнавать и копаться в интернете? Выпил бы свою бутылку в тишине, послушал блюз, вспомнил прошлое и перевернул страницу до следующего года... нет, надо было ему...

На ухабах меня пару раз подбросило, я больно стукнулся головой о потолок «Уазика», разбил локоть, но в остальном по прибытии в райотдел даже немного собрался с мыслями.

Мне стало ясно, что я чересчур предался сентиментальщине. Прибавить сюда жару, ностальгию, отсутствие как модно сейчас говорить «социальных связей». Тоска по джунглям Бразилии, моим друзьями из племени Пирахо после возвращения из последней командировки

превратила меня в настоящего затворника – я действительно почти ни с кем не общался. Отсюда излишняя подозрительность. Мнительность. Беспокойство. Стремление фантазировать и придумывать несуществующие события, которые могли бы произойти из ничего и раздувание их последствий до небывалых размеров. Все признаки социальная дисфункции и дезадаптации – это вам любой психотерапевт скажет.

– Вылезай, приехали! – дверца Уазика с шумом отскочила. Зажмурившись и открыв глаза через пару мгновений, я увидел здоровяка, курившего сигарету.

Я вдруг вспомнил, что утром после выпускного я попал сюда же, в этот же райотдел по глупости – меня приняли за какого-то подонка, нырнувшего ножом пенсионера. В тот день я в последний раз видел свой класс живьем целиком. Меня выпустили только через шесть часов, когда поймали настоящего преступника, а до того мне пришлось пережить допрос с пристрастием и требованием признаться. Разумеется, признаваться мне было не в чем, однако приметы совпадали и, если бы того парня не нашли... я бы не знаю, где был бы сейчас.

– Идем! – весело бросил мой «одношкольник», когда здоровяк докурив сигарету.

Они завели меня в длинный коридор, выкрашенный голубой краской. На стенах висели плакаты по контртеррористической работе, гражданской обороне и конечно же, «Внимание, розыск».

Здоровяк втолкнул меня в кабинет справа.

– Товарищ лейтенант, вот... задержанный...

Молодой, лет двадцати на вид полицейский поднял голову. Работавший на полную мощность вентилятор встряхнул струей прохладного воздуха мальчишескую челку.

– Нашли что? – спросил лейтенант, разглядывая меня в упор.

– Нет.

– Зачем тогда привезли? Нафига он мне тут?

Мои конвоиры переглянулись.

– Но он... употреблял и...

– Товарищ лейтенант... – я неожиданно сделал шаг вперед и заметил, как полицейский, до того сидевший в расслабленной позе мгновенно напрягся.

– Эй... – раздалось позади.

– Товарищ лейтенант, я зашел проведать своего друга и седьмой школы... и вдруг оказалось, что в его квартире живут совсем другие люди и они утверждают, что жили там всегда. Я десять лет ходил в эту квартиру почти каждый день. У вас же наверняка был друг в школе. Скажите мне, как это возможно?

Лицо лейтенанта вытянулось.

– Как это – другие люди? Не понял. – Он положил ручку, которую вертел в руках на стол, глянул в монитор компьютера и покачал головой.

– Ваш друг что – пропал, получается?

– Да, – нашелся я и победно посмотрел на полицейских в дверях кабинета. – Пропал. Я попытался его найти в соцсетях, позвонить ему, но не нашел.

– Может быть, он переехал?

Я пожал плечами.

– Но тогда бы мне сказали в той квартире, что да, мы ее купили пять или десять лет назад. Но женщина, которая там живет, утверждает, что родилась в этом доме.

– Идите, – бросил лейтенант мнушимся полицейским. – Рапорты писали?

– Нет еще... но...

– И не надо. Все, идите с глаз моих!

Послышался треск половиц и через секунду отделение стихло.

– Как фамилия друга? – спросил лейтенант уставшим голосом.

– Чайковский. Петр Васильевич.

Его пальцы застучали по клавиатуре.

– Адрес...

– Летняя, 24.

– Дата рождения?

Я смутился.

– Семьдесят шестой. Кажется... 15 июля. Да, точно. Ровно посередине.

Лейтенант быстро посмотрел на меня, кивнул и затараторил по клавиатуре. Потом посмотрел на экран – в этот момент вентилятор снова повернулся к нему «лицом» и челка опять на секунду взлетела.

Его тонкие губы сжались. Он снова повернулся ко мне.

– Вы... точно ничего не путаете? Гражданка Антипова Светлана Евгеньевна прописана и проживает в квартире по адресу Летняя, 24 уже 52 года. И... – он помолчал, скользя глазами по экрану и продолжил: – никакого Петра Васильевича там точно никогда не было. У меня новая база, это абсолютно точно. Я могу вам больше сказать... никакого Петра Васильевича с данной датой рождения в нашем городе не существует. И вообще в России, если уж вы надумаете его искать где-то на Крайнем Севере.

Я ошарашенно уставился на полицейского.

– Вот так да...

Вдруг меня пронзила совсем уж дикая мысль – кажется, я даже читал о чем-то подобном у известного фантаста Лукьяненко, когда в квартире главного героя вдруг появилась посторонняя женщина, а его самого словно стерли из реальности. Это, конечно, смахивало совсем уж на бред, но тем не менее, – я с дрожью в голове спросил:

– Я... Антон Андреевич Михайлов, 17 мая 1976 года рождения, проживаю по улице Летняя, 17... Вы... можете проверить, я там действительно проживаю? Или...

На мгновение я подумал, что молодой полицейский после этих слов немедленно отправит меня в обезьянник, а после вызовет психиатрическую бригаду, однако он лишь цокнул языком и принялся вводить буквы, проговаривая их тонкими губами.

– Однако... – проговорил он медленно. – Я сразу подумал, что вы просто выдумщик... так и быть, Антон Андреевич... на первый раз, в силу вашего так сказать, возраста... и учитывая, что ранее вы не задерживались и не привлекались, я вас отпущу... – он отвлекся от монитора и пристально посмотрел на меня. – ...но, можете быть уверены, попадетесь еще раз и штрафа за распитие вам не миновать. Хотя тут и мелкое хулиганство, и еще что-нибудь можно придумать при желании.

Я качнулся на расшатанном стуле.

– Значит... проживаю?

– Ну разумеется. И ваши эти друзья, о которых вы спрашиваете, они тоже где-то есть, – молодой полицейский, которого система, видимо, еще не полностью сожрала, как-то сочувственно вздохнул: – ваш школьный товарищ мог эмигрировать, мог умереть, да мало ли еще что... банальная ошибка, неполнота данных, ведь те старые карточки, которые оцифровывались, они тоже терялись. Есть и еще одна версия... у меня лично.

– Какая? – я с надеждой посмотрел на изнывающего от жары паренька в форме.

– На третьем курсе универа нам говорили, что в случае отсутствия данных в картотеке помимо причин, которые я вам изложил, может быть еще одна, правда встречается она крайне редко. Карточку изъяли.

– Изъяли?! – не понял я. – Как это – изъяли? Кто изъял?

Лейтенант усмехнулся, но как-то невесело. За окном пронеслась ватага первоклашек, они спорили от каком-то «скибиди» и в этот момент я почувствовал себя глубоким стариком.

– Изымают по разным причинам. Гостайна, госбезопасность, программа охраны свидетелей, пункт семь...

– Пункт семь?

– Я точно также как и вы переспросил профессора, когда он читал нам лекцию про картошки. Потом я узнал, что обычно этот пункт семь опускают, но некоторые осведомленные лекторы продолжают информировать студентов о его существовании.

– Что это значит? – я заерзал на стуле, чувствуя, как внутри что-то екнуло. Мне вдруг стало тоже очень жарко, даже душно, хотя в джунглях Амазонки я настолько привык к постоянной жаре, что уже давно перестал обращать на нее внимание.

Лейтенант клацнул еще по паре клавиш, его лицо приняло мальчишески-удивленное выражение.

– Так и есть... пункт семь... – произнес он, покусывая изгрызенный колпачок шариковой ручки. – Впервые такое вижу, я думал... это просто такой... прикол, что ли... – Он растерянно взглянул на меня. – Значит... ваш друг...

– Что?! – не выдержал я.

– Он был на самом деле, то есть, существовал, но... теперь его нет. Я сам не знаю, что это значит, когда я спросил профессора после лекции, он сказал, что это выходит за пределы его компетенции и вряд ли нам встретится в реальной жизни, а потому нечего забивать себе голову. Но... – лейтенант помолчал, потом будто нехотя продолжил, – если хотите... если конечно... я могу попытаться узнать, что это значит.

По моей спине несмотря на жару пробежали мурашки. Хотел ли я этого? Может быть, лучше не лезть туда, куда не просят? Я вдруг увидел перед собой толстого улыбчивого Петьку, моего лучшего друга детства, услышал его залиvistый смех и подумал: «А кто еще может сделать это для друга, если не я?»

– Да, – медленно ответил я и мое «да» повисло в знойной жаре неуютного кабинета.

После затянувшейся паузы – паузы, во время которой на лице лейтенанта отражались вполне понятные чувства – от отрицания, до борьбы и гнева, в том числе и желание просто послать меня три буквы (потому что так безопаснее для него самого и его карьеры), в конце концов победило любопытство.

– Ладно. Оставьте свой телефон, я узнаю, что смогу и позвоню.

Я продиктовал номер.

– За сроки не обещаю. Скорее всего, завтра, сегодня вряд ли. Ну а вам, гражданин... Антон Михайлов... я советую завязывать с выпивкой.

Я кивнул, поднялся со стула.

– Буду ждать. Спасибо вам.

В дверях я обернулся и посмотрел на лейтенанта. Тот с задумчивым видом сидел перед монитором, постукивая ручкой по столу.

Если бы я знал, что больше никогда не увижу этого молодого, искреннего и любопытного паренька, я бы никогда не ушел из отделения. Но тогда я даже не догадывался об этом. Я вышел из райотдела и тут же погрузился в стоячие волны аномальной сентябрьской жары. К райотделу подкатил «Бобик». Вышедший водила открыл заднюю дверь. Изнутри, матюкаясь, вывалился пьяный мужик. Он горланил песню Гуфа «Спонсор твоих проблем»:

«Я не уве-е-ерен, что-о-о таких можно спасти...»

– Иди, иди, – подтолкнул его взмокший от жары сержант. – И тебя спасем, и всех спасем, не сомневайся.

Глава 3

Быстрым шагом я пересек улицу и постарался как можно быстрее исчезнуть из поля зрения полицейских (от греха подальше), – для чего обогнул книжный магазин, забитый школьниками и их мамашами, спустился по длинной лестнице к парку Горького, но в сам парк заходить не стал – слишком уж шумно там было, а мне требовалось тихое уединенное место, чтобы подумать. К тому же, мне начало казаться, что за мной кто-то следит.

Бред конечно... кому нужен антрополог, специалист по исчезающему племени пираха на краю земли? Никакими богатствами и тайнами я не обладал, секретных кодов к сейфам не знал, даже гонорар за последнюю публикацию в научном журнале, на которую так рассчитывал – и то не получил. В общем, взять с меня было нечего. И все же...

Джунгли есть джунгли. Джунгли – это опасность. Ты привыкаешь к этому быстро, почти мгновенно, потому что от того, насколько быстро ты успеешь заметить в дебрях слившуюся с лианой здоровенную ядовитую змею уруту-крузейру, один укус которой убивает взрослого человека почти мгновенно, зависит твоя жизнь.

«Не спи, кругом змеи», – девиз пираха, который я слишком хорошо усвоил на собственной шкуре. Они и правда не спят. Почти не спят. Весь сон у них – преимущественно стоя, поделен в течение суток на отрезки от пятнадцати минут до двух часов. Просто чтобы выжить.

Пришлось научиться этому совершенно безумному для современного человека навыку. Теперь мне достаточно найти тихий уголок, закрыть глаза, и через пятнадцать минут я был свежим, бодрым и выспавшимся. Невероятно? Но это так.

Я прошел метров сто вдоль кованой ограды парка, пару раз нагибался, чтобы затянуть шнурки, один раз подошел к мороженщице, немного пофлиртовал, купил мороженое, потом уронил его, снова быстро и незаметно осмотрел улицу, купил другое мороженое и с удовольствием съел его. Слежки не было. Впрочем, я был почти уверен, что кто-то наблюдал за мной после выхода из полиции, но теперь отстал. Хотя, я мог и ошибаться.

Нырнув в случайно увиденный проем в ограде, я скатился с холма, быстро обошел небольшой ручей, на берегах которого росли аккуратно остриженные кусты кизильника и обогнув старый заброшенный общественный туалет, обнесенный забором, оказался на берегу зеленой цветущей речки. Пешеходный мост, с облупившихся перил которого свесился скучающий рыбак в белой панаме, находился в двадцати метрах.

Лишь оказавшись на другой стороне реки, где правил бал заросший диким кустарником частный сектор, я почувствовал себя в полной безопасности.

От кого я бежал? Мне было неизвестно.

Я остановился возле старой голубой колонки с водой (какие еще остались кое-где в частном секторе), пару раз нажал ручку и из крана побежала прозрачная вода. Сделав пару глотков, не раздумывая, я подставил голову и несколько секунд наслаждался ледяной прохладой. Голова вмиг стала ясной.

– Дяденька, подержите ручку, пожалуйста!

От неожиданности я едва не ударился о железную трубу колонки. Рядом стояла девочка в голубом сарафане с красным пластиковым ведерком и пристально смотрела на меня.

Я кивнул. Когда ведерко наполнилось, она махнула рукой:

– Спасибо.

– Может, тебе помочь? – спросил я

– Нет, спасибо, мне тут за углом котят напоить надо.

– Смотри, дай воде немного согреться.

Она улыбнулась, но как-то настороженно. Понятное дело, незнакомцы в этих краях как на ладони.

Неожиданно мне в голову пришла мысль. Я плохо знал эту часть города и никогда не забредал в частный сектор. Девчушка могла мне помочь.

– Не подскажешь, как пройти к дому быта?

Она поставила ведро на землю и показала вниз вдоль речки.

– На берегу есть тропинка. А когда она закончится возле большой трубы, поднимитесь наверх и пройдите мимо стройки. Там и выйдете.

– Спасибо. А то... я заблудился немного.

Девочка кивнула, взяла ведро и пошла вдоль деревянного забора. Вода выплескивалась из ведра на ее сарафан и ноги, но она не обращала на это никакого внимания.

Я достал телефон. Полицейский еще не звонил – в суете я боялся пропустить его вызов. Впрочем, вряд ли стоит сегодня ожидать от него звонка. Но что-то мне подсказывало, что он все-таки позвонит. Слишком уж заинтересовало его это дело, хотя виду он не показал.

Бодрым шагом я спустился прямо к речке и действительно, меж непроходимых кустов, сразу же напомнивших мне джунгли, нашел едва заметную тропку. Она виляла по черной мокрой земле. Тут и там блестели осколки разбитых бутылок, железные ящики от пива, в странном углублении почти отвесного русла я даже заметил драный диван и кострище – двое аборигенов что-то жарили на вертеле. Рядом стояла бутылка вина.

– Эй мужик, погоди, закурить есть?

Они замахали мне руками, но я поспешил удалиться.

«Не спи, кругом змеи», – вспыхнуло в мозгу предупреждение. Люди из чужого племени тоже могли быть змеями.

Через двадцать минут я вышел к Дому быта – старому зданию времен СССР. С тех пор здесь почти ничего не изменилось, даже название «Дом быта», написанное широкими рублеными буквами на фронтоне здания осталось прежним. Здесь, на втором этаже располагалось фотоателье, в котором мы всем классом фотографировались перед выпускным.

Я зашел внутрь. Мне показалось, что даже запах остался тем же самым, как и фикус, стоящий в справа углу по лестницей.

Сердце самопроизвольно застучало. Я почувствовал волнение. Если и существует машина времени – то вот в таких вот зданиях, стоящих на задворках, а иногда даже и центре города, зданиях, которые по какой-то странной причине не меняются, хотя вокруг растут гигантские офисные и торговые центры, супермаркеты, бизнес-клубы...

– Молодой человек, вы что-то хотели?

Я обернулся и обомлел. Там же, где раньше – стояла будка, только теперь она была выкрашена в белый цвет. Из нее высунулась старушка, осуществляющая, как я понял, пропускной режим.

– Да... скажите... я хотел сфотографироваться...

Она всмотрелась в меня и на секунду... я подумал, что она меня узнала. И я ее. Тогда она была молодой женщиной, а я десятиклассником – мне, разумеется, она казалась куда старше, чем была на самом деле, но... теперь я был уверен, что это все та же женщина – нос с горбинкой, красивые чуть восточные глаза и... голос с хрипотцой. Вечером в Доме быта был организован видеосалон, куда мы с пацанами бегали смотреть фильмы со Шварценеггером, и она продавала билеты, пропуская счастливых наверх.

– Наверх... по лестнице... направо... – она тряхнула головой, словно пытаясь смахнуть наваждение.

– Черт... – вдруг вырвалось у меня. – Черт!!!

Старушка опасно скрылась в своем закутке, выглядывая оттуда только одним глазом.

Собственно, это «черт» совсем не относилось к этой женщине. Я вдруг подумал, что в моем фотоальбоме были фотографии не только учеников. Но и учителей. Почему же я о них не подумал? Какое-то странное слепое пятно. Проверять одноклассников бесполезно, я был абсо-

лютно уверен, что никого из них я найти не смогу. А учителей? А директора... как его, Федор Михайлович... Да, по кличке «Достоевский», хотя на самом деле его фамилия была «Шмидт». Высокий красивый мужик, который на наш выпускной подрался с физруком в туалете – чего уж там они не поделили, неизвестно, но слухи ходили о неразделенной любви, естественно в лице учительницы музыки.

Кто еще?

Там была завуч Алла Николаевна. Учитель труда Александр Иванович. И...

Вспоминая фотоальбом, который я листал каждый год, я с ужасом понял, что не могу вспомнить его в точности, хотя мою память можно было назвать фотографической. В каком-то зыбком тумане исчезали не только элементы фотоальбома, надписи, лозунги, но и люди и их лица. Не глядя на само изображение, я теперь не мог вспомнить почти ни одного лица!

А если...

– Черт!!! – снова выкрикнул я, с каким-то отчаянным выражением лица взглянул на лестницу, поднимающуюся на второй этаж, и бросился вон из здания.

Старуха привстала в своем домике, вздохнула и почти неслышно произнесла:

– Что с людьми делается... просто кошмар...

Я несся какими-то закоулками не разбирая дороги. Два раза чуть не упал, на третий, неудачно зацепившись ногой за куст, все же распластался на дороге, сильно поцарапав локоть и колено.

Я бежал так быстро как никогда раньше. Словно за мной гнался огромный пятнистый ягуар – его рык оглашал окрестности, а когти вонзались в разгоряченную землю и вырывали из нее клочья. А я бежал и бежал, падал, вставал и снова бежал. Ладони кровоточили от ссадин, колени были все сбиты, прохожие шарахались от меня как от дикого зверя. Одно меня радовало – полицейские патрули в этот день все куда-то запропастились.

– Куда прешь, бык! – закричал мне мужик на велосипеде, которому я перебежал дорогу.

Прямо на красный свет перелетел пешеходный переход и владелец новенького черного «Лексуса» высунувшись из окошка, заорал:

– Что ты творишь, баран!

– Прости, мужик... – прохрипел я, не оборачиваясь.

Потом я перевернул ящик с помидорами торговца из солнечного Азербайджана – он кинулся было за мной, но куда там... бег по джунглям дает явное преимущество тем, кто его когда-то практиковал.

Что-то гортанно прокричав, он быстро отстал.

– Прости, мужик... – снова повторил я, с удивлением обнаружив, что дыхание почти не сбилось. А ведь жара после полудня еще прибавила, солнце, будто издеваясь, палило с каким-то злобным остервенением.

Мне показалось, что я бегу уже целую вечность, когда дверь моего подъезда распахнулась и я буквально влетел в черноту бетонной прохлады. Пятый этаж девятиэтажного дома – в два шага я перепрыгивал пролеты, разворачивался и взбирался дальше.

Наконец... мой.

Я замер на лестничной клетке. Абсолютная, какая-то берущая за душу тишина. Даже вечный телевизор у соседки напротив молчал.

Я втянул носом воздух. Запахи играют огромную роль в выживании. Вы можете буквально учуять опасность, если ваша задача – выжить.

Здесь пахло опасностью. Легкий, едва уловимый аромат мускуса – настолько невесомый, что вряд ли его вообще можно было почувствовать. Но я точно знал – никто в нашем подъезде не пользуется такой туалетной водой. Ни разу я сталкивался с этим запахом и судя по всему, вряд ли это был аромат доставщика еды.

Я медленно приблизился к своей двери. С виду все было как обычно. За исключением того, что... коврик лежал чуть криво. Глупая привычка, но уходя, я всегда, в любом состоянии поправлял коврик и выравнивал его строго параллельно двери.

Сердце забилось. Я закусил нижнюю губу до боли и чуть не вскрикнул. Надо же было быть таким идиотом! Ведь почувствовал возле полиции... нет, пошел вилить...

– Господи... – простонал я... – Какой же я идиот... забыл? – «Не спи, кругом змеи!»! Забы-ыл... Вот тебе и поделом...

Я нажал ручку двери квартиры, и она легко открылась.

Я замер, прислушиваясь. Если внутри кто-то и был, то он обладал навыками серьезного бойца и сурового хищника – в противном случае я бы его учуял. Но внутри никого не было. Тем не менее, я не стал рисковать. Нащупав справа от двери короткую палку, я медленно, на цыпочках пошел вперед. Осторожно заглянул на кухню, потом проследовал в зал и, наконец, проверил в дальней комнате. После этого, заглянул в ванную и туалет.

Никого.

В квартире запах мускуса ощущался чуть сильнее, хотя все равно – на грани уловимого. Однако если бы мне дали понюхать эту воду, теперь я бы узнал ее из тысячи.

Сердце билось в груди как отбойный молот. Я вернулся в зал, поднял глаза на журнальный столик, где покоилась наполовину освоенная бутылка виски. Столик был пуст. Никакого фотоальбома, который я оставил здесь, не было.

Может быть, я куда-то сунул его, перед тем как ушел? Чисто механически, как мы обычно делаем повседневные вещи, тут же забывая о них...

Такое могло быть, и чтобы развеять сомнения, мне потребовалось почти полчаса. За это время я перерыл все – от шкафа и всех его внутренностей, до антресолей и ванной комнаты. Я посмотрел за съемным сидением кресла, под ковром, за кухонную плиту и за батареи. В конце концов я же мог просто забыть закрыть дверь – «Джек Дэниелс» и не на такое способен.

Однако фотоальбом выпускного класса пропал.

Я почувствовал нарастающую панику. Ведь... по своей тупости я даже не сделал копию, я даже не сфотографировал его! У меня теперь не было даже мало-мальской зацепки! Никаких доказательств, что он вообще был, – этот альбом. И люди, которые могли бы подтвердить его существование, мои одноклассники – тоже как сквозь землю провалились.

– Я... я схожу с ума... – выдохнул я, упал в кресло и схватился за голову. В зрачках померкло.

Может быть... и правда? Скитаясь и блуждая по Амазонке, часто в полном одиночестве, я просто сошел с ума и все это лишь фантазия, а сам я лежу где-нибудь в замызганной больнице Порту-Велье с приступом малярии?

Я мотнул головой, как раненый бык, повернулся к столу, плеснул виски в стакан наполовину и залпом выпил. Огненная жидкость обожгла горло. Я встрепенулся. Не похоже, что я сплю.

В любом случае...

Я лихорадочно бросился к столу, нашел блокнот с карандашом, плюхнулся назад в кресло и отрывистым почерком начал выписывать имена и фамилии своих одноклассников.

Рука дрожала, я писал так криво, что и сам едва бы прочитал, что написал, но важно было успеть записать всех, пока я их помнил. И на ходу, пока я писал, имена стали растворяться в моей памяти. Исчезать. Распадаться на слоги и отрывочные полуслова-полуимена.

В конце концов, я оторвал руку от блокнота и посмотрел на то, что получилось.

1. Александр Иванов «Шура» 2. Анастасия Петрова «Звезда» 3. Максим Алиев «Маг» 4. Лилия Хасанова «Лиса» 5. Сидоров вечно больной 6. Екатерина Ли 7. Даниил Ким «Фантом» 8. Юлия Ус...манова? 9. Никита Гарсия «Блиц» 10. Лебедева 11. Рустам (с залысынами) 12. Оля математик 13. Алексей или Андрей «футболист» 14. девочка из Казахстана 15. Димон

«малой» 16. «Клуша» 17. Серега (подрался со мной в 8 классе) «Хан» 18. ... 19. Виталий Ильин
20. Наталья Гуляева «Луна» 21. Оля Молчанова «Соня» 22. ... 23. Якубова Жанна или Анна
24. Алекперов «Сокол» 25. ... 26. Артем? 27. Петр Чайковский «Лыба» 28. Антон Михайлов

Сначала список шел ровно, я будто бы припоминал, потом в нем начали появляться пропуски, которые становилось все явственней, все глубже, я забывал фамилии, имена и клички и более того – я забывал лица их обладателей. Но все же... что-то у меня было. Не теряя времени даром, я открыл «Вконтакте» и начал искать этих людей. Мне нужно было быть уверенным, что я не сошел с ума и их действительно нет в интернете. Через два часа тщательных поисков, я понял, что никого не найду. Ни во «Вконтакте», ни в «Одноклассниках». Ни в «Яндексе», ни в «Гугле».

Осталась одна надежда. Фотоателье, где мы когда-то делали выпускные фотографии. Надежда практически иллюзорная. Невозможная.

Но других вариантов, похоже, не было.

Я закрыл дверь квартиры и вышел из дома в густую, качающуюся призрачными волнами жару. В этот момент и зазвонил телефон.

Глава 4

Дрожащей рукой я вытащил телефон из кармана джинсов, при этом чуть не выронил его на асфальт. Дрогнувший экран отобразил незнакомый номер. Сердце подпрыгнуло, застучало.

– Алло... – я с трудом унял дрожь в голосе, быстро осмотрелся и нырнул под пластиковый навес бакалейного магазина, где, как мне показалось, было чуть прохладнее.

– Алло... Антон Андреевич? – спросил мальчишеский голос, в котором я наряду с командными нотками различил нетерпение и даже долю озорства. Я сразу узнал голос лейтенанта из райотдела.

– Не ожидал услышать вас так быстро... – я не кривил душой и искренне удивился, несмотря на все, что случилось за последний час. В голове проскочила мысль, что можно было моему новому знакомому сообщить о краже, да только вот я сомневался, что это будет иметь смысл. Украли старый фотоальбом... смешно ведь. Тут у людей «Мерседесы» уводят по сто тысяч долларов и никому особо дела нет, а то несчастный альбом, который ни разу не яйцо «Фаберже».

Мой взгляд наткнулся на большой вертящийся куб, закрепленный на столбе через дорогу – на его сторонах замерли черные стрелки часов. Они показывали «16:15».

«До сколько работает фотоателье?», – подумал я, вслушиваясь в тишину в трубке.

– Да... – после затянувшейся паузы ответил полицейский. – Знаете, я, кажется, кое-что нашел и это... честно говоря... лучше бы вам приехать сейчас в райотдел. Это не телефонный разговор.

– Что?! – в трубке послышалось шипение и треск. – Что вы нашли? Скажите в двух словах... – я попытался выудить у него хотя бы что-нибудь, хотя прекрасно знал, что никто и никогда из полиции по телефону ничего не скажет, оставляя вас потеть и переживать до последнего.

В трубке снова послышалось кряхтение, какой-то голос, жужжание вентилятора – я прижал телефон к уху, боясь пропустить что-нибудь важное.

– Я нашел вашего друга, – сказал он почти шепотом. – Приходите скорее. Отбой.

Связь прервалась.

Я отнял трубку от головы и посмотрел на экран. Что я хотел там увидеть? Продолжение разговора? Лицо лейтенанта? Или фотку Петьки, может быть?

Но я ничего не увидел, зато представил лицо лейтенанта – озадаченное и даже ошарашенное. Именно таким тоном он сказал последнюю фразу. Тонем сбитого с толку человека.

Другой, более опытный полицейский плюнул бы на это дело от греха подальше. Но этот был еще зеленым, полным стремлений и надежд сделать жизнь людей лучше и хоть немного легче.

Я быстро прикинул расстояние до полицейского участка. Получалось около километра петляющей через дворы дороги. До Дома быта и фотоателье – чуть больше, километра полтора. Зато по прямой. Можно было взять самокат, но толку от него как от козла молока: постоянные бордюры нивелировали скорость и удобство.

– Черт... – процедил я и осекся. Из магазина вышла молодая мама с девочкой.

– Дядя ругается, – сказала она и посмотрела на меня своими большими голубыми глазами.

Это была та самая девочка в голубом сарафане, которой я помогал налить воды из колонки. В руках она держала красное ведерко. Только на этот раз оно было наполнено красным, трескающимся от спелости крыжовником.

– Я его знаю, мама, – снова сказала она. – Он спрашивал, как пройти к Дому быта.

Молодая женщина посмотрела на меня таким взглядом, будто в метре от себя увидела жуткого маньяка и убийцу.

– Не поняла... – начала она, испепеляя меня взглядом. – Как это... спрашивал? Когда спрашивал?

«Еще не хватало», – пронеслось у меня в голове.

Появление девочки и это странное происшествие на пустом месте предопределило мой выбор – я свернул налево и быстро зашагал в сторону райотдела.

Фотоателье никуда не денется, в конце концов. Простояло сорок лет и еще сорок простоит. Почему-то я был уверен, что и фотограф там не менялся с тех самых времен – лысый мужичок с крючковатым носом в джинсах и джинсовой же рубашке – очень модной по тем временам.

Чем ближе я подходил к райотделу полиции, тем сильнее нарастало беспокойство. Рядом с этим местом и в обычной ситуации чувствуешь себя не в своей тарелке, а теперь и подавно. Мое дыхание сбилось, чего не бывало даже при ходьбе или беге на длинные дистанции, я сильно вспотел. Лоб покрыла холодная испарина.

Здание полиции располагалось за углом ближайшей хрущевки. Я пока не видел само здание. Ноги сами замедлили шаг. Не доходя до поворота, я и вовсе остановился возле крайнего подъезда. Повернул голову, прочитал название улицы: «Пролетарская, 7». На лавочке в тени сидел дряхлый старик с кульком семечек в руках. Его водянистые глаза смотрели в пустоту. По одной он кидал семечки тощему голубю, который клевал их с истовой яростью.

– От судьбы не уйдешь, – услышал я его сдавленный шепот и от тона его голоса похолодел.

Это он мне или голубю? Впрочем... особой разницы сейчас не было.

Наверное, многие замедляли в этом месте скорость. Чтобы только не идти в это здание. Или вовсе останавливались. Возможно, это ловушка и меня зачем-то туда заманивают. Но... чтобы там ни было...

– Это точно... – пробормотал я и несмотря на появившуюся вдруг слабость в ногах, шагнул вперед.

Но не успел я пройти и десяти метров, как ноги сами замедлились. Я будто бы не стену наткнулся – замер и тут же попятился за большой куст ложноягодника. Прямо у входа в райотдел, подперев зеленую мусорку блестящим бампером, стоял темно-синий микроавтобус с тонированными стеклами без номеров и опознавательных знаков. Двое мужчин в штатском и в солнцезащитных очках ждали у дверей. Эти ребята явно не занимались доставкой питьевой воды. Через пару минут вышел третий штатский с черной папкой, они все погрузились в автобус, хлопнули двери, и, сделав широкий разворот перед зданием полиции, автобус скрылся из виду.

«Это просто оперативники, – попытался успокоить я сам себя, но получилось плохо. – Приехали, забрали какие-то документы и уехали на задание. Обычное дело».

– Ты же знаешь, что это не так.

– Да, я знаю.

Как всегда, в критических случаях я разговаривал сам с собой.

– Иди проверь. Только быстро. Морду кирпичом и иди. Сейчас безопасно.

Я поверил ему. Внутреннему голосу.

Вынырнув из-за куста, я сделал полный вдох – как спортсмен перед рывком и уверенным быстрым шагом зашагал к зданию.

Взялся за ручку, потянул на себя дверь. Где-то позади заурчал двигатель «Уазика» – но оглядываться было поздно. Я шагнул вперед. Дверь за мной захлопнулась. Это было полным безрассудством, но как еще проверить и узнать, что произошло на самом деле? А вдруг молодой лейтенант сидит и ждет, предвкушая, как сообщит мне, что Петька жив и здоров, просто по ошибке программиста и стечению роковых обстоятельств (вызванных, разумеется, прежде

всего, глупостью), он исчез с радаров, баз данных и из «Вконтакте» с «Одноклассниками». Да мало ли что могло случиться. Все, что угодно.

В коридоре было тихо. Где-то жужжал вентилятор и одновременно билась муха об оконное стекло. Мой слух, натренированный в джунглях, уловил протекающий унитаз в дальнем конце коридора, сиплое простуженное дыхание в кабинете справа, приглушенную радиоточку на втором этаже и крики пацанов, гонящих мяч на школьном стадионе позади райотдела. При этом в самом здании полиции стояла почти мертвая тишина.

Я шагнул вперед, дошел до кабинета, где был совсем недавно и надавил ручку. Дверь поддалась и открылась с легким скрипом. Сердце стучало все быстрее, отдавая ударами в виски.

Кабинет был пуст. Бумаги на столе были перемешаны. Клавиатура, которая располагалась ровно перед монитором теперь лежала как-то наискось.

«Значит... все-таки... его забрали...» – мелькнуло у меня в голове.

Я быстро выглянул назад в коридор. Никого.

Если бы он хотел что-то мне оставить... какое-то сообщение...

Я вошел внутрь, быстро прошел к дешевому креслу, сел за него и осмотрел стол. Сердце стучало как отбойный молоток. Если меня кто-то застукает здесь, больших проблем не миновать.

Так... где же искать?! Где?!

В коридоре раздались шаги и голоса. Глаза лихорадочно метались по столу, клавиатуре, компьютеру, подоконнику... Я замер.

Возле высохшего кактуса в глиняном горшке стояла блеклая фотография, сделанная на «Полароид». Давно таких не видел. Фотография улыбающейся девушки, довольно красивой. Показавшейся мне смутно знакомой.

Голоса приближались.

Инстинктивно я схватил фото, вскочил с кресла и бросился к двери. Но не успел нажать ручку, как дверь открылась и на пороге появился полицейский... тот же самый полицейский, что задержал и доставил меня сюда пару часов назад.

Здоровяк явно не ожидал нашей повторной встречи.

– О... – сказал он, отшатнувшись. – Ты еще здесь?

– Ага, – сказал я.

С ними был очередной задержанный – парнишка с хитрым обветренным лицом и повадками бывалого.

Полицейский заглянул в кабинет, потом обернулся ко мне.

– А где?..

– А... он вышел. Сейчас придет...

– Куда вышел?

Я показал в конец коридора.

– Пойду покурю, – сказал я и двинулся на выход, ожидая, что полицейский меня окликнет.

На ватных ногах я дошел до двери, вышел наружу. Яркое солнце ударило в глаза. Второго полицейского нигде не было. Не дожидаясь, пока страж порядка опомнится, я быстрым шагом пошел к кустам.

Уже возле них я услышал окрик.

– Стой! Ты куда?! Где...

Но я не стал дожидаться окончания вопроса и ринулся вперед что есть мочи.

«Не спи, кругом змеи!», – в голове зазвенело предупреждение. И я не спал. Я бежал так быстро, что все окружающее слилось разноцветную прыгающую какофонию. Как я не упал и не разбил себе голову, не поломал ноги и руки – одному Богу известно.

Сирена в голове перестала выть километра через два. Я остановился, опустил руки на колени и минуты три пытался отдышаться. А когда это у меня получилось, увидел, что до сих пор сжимаю пальцами фотку, которую зачем-то взял со стола полицейского. Девушка, конечно, красивая, но какой смысл было брать чужое фото?

Я перевернул его и увидел номер телефона, написанный карандашом.

– Это оно, – сказал голос.

– Да, – сказал я. – Да. По крайней мере, сообщу, что ее парню, судя по всему, нужен хороший адвокат.

Я вновь оглянулся. Пустынная улица, редкие прохожие, прячущиеся под пышными кронами лип. На балконе дома напротив курит мужик в одних трусах. В руке он держит бутылку пива и периодически отхлебывает из нее. Сонная идиллия. По крайней мере, никаких звуков сирен и признаков погони.

Не слишком ты большая сошка, жечь на тебя топливо и гоняться по такой жаре, – успокоил я сам себя.

Я был бы рад, если бы так оно и было. Но пока что получалось, что полицейский, который хотел мне помочь уехал в неизвестном направлении на тонированном микроавтобусе. Я точно знал, что экскурсии на таком транспорте не проводят. Его, конечно, могли взять и по какому-нибудь другому делу или он мог выехать в составе следственно-оперативной группы на место преступления, но что-то мне подсказывало, что его звонок мне и этот жутковатый микроавтобус связаны.

Давно я не ощущал в своем городе такой жары. Будто бы что-то поменялось в настройках природы, сломалось. Маревое, повисшее над улицами, площадями, киосками, магазинами, дорогами чуть заметно подрагивало – словно та самая оптическая иллюзия в раскаленной пустыне. Одновременно все было так и не так – я знаю, что такое явление в психиатрии называют дереализация и деперсонализация. Впрочем, от жары и не такое привидится.

Окольными путями я добрался до Дома быта. Салона видеопроката здесь давно не было – вместо него красовалась вывеска шляпного бутика, а на витрине вместо афиши «Коммандо» и Арнольда Шварценеггера, увешанного пулеметными лентами, стояли длинноногие манекены в роскошных шляпах с перьями, полями, без полей, большие, маленькие, простенькие, вычурные, всех цветов и фасонов.

Никогда раньше не видел этого магазина. Впрочем, возможно, он недавно открылся. Внутри я не заметил ни одного человека.

Старушка в закутке при моем появлении поспешила скрыться. Я поднялся на второй этаж по лестнице, вдыхая воздух, который, кажется, не менялся здесь уже полвека.

Фотоателье за стеклянной перегородкой было украшено тремя большими выцветшими фотографиями и деревянной камерой на треноге начала двадцатого века. Справа возле окна с видом на пыльную улицу стоял потрепанный кожаный диван и журнальный столик. Посетителей не было, однако, когда я вошел, над дверью звякнул колокольчик и через пару минут из-за занавески вышел средних лет мужчина с полными губами и глазами навывкат.

Я даже слегка опешил, так он был похож на того... фотографа тридцать лет назад.

Он посмотрел на меня вопросительным взглядом. По его крупному лбу стекали капли пота размером с горошину. Какой ненормальный будет фотографироваться в такую жару?

– Вы что-то хотели? – спросил он, явно раздосадованный моим появлением.

– Я... собственно... может быть вы мне поможете... мы здесь фотографировались на выпускной, и я... короче я потерял свою фотографию. Ее можно как-то восстановить?

Мужчина будто бы не сразу понял мой вопрос. Когда же слова в его мозгу обрели смысл, он чмокнул губами и слегка наклонил голову.

– Какое число?

– Что, простите?

– Какого числа фотографировались?

– А-а... нет, числа я точно не помню... это было тридцать лет назад. На выпускной альбом.

В его глазах я прочитал удивление.

– Тридцать? – выдохнул он. – Это... давненько. Тогда еще компов не было...

– Были, но не такие.

– Ага...

– А внизу был видеосалон, – сказал я.

Мне показалось, что его пустые глаза блеснули.

– Точно. Тогда мой батя здесь работал. Во времена были...

– Были... – подтвердил я. – Так что?

– Вообще-то... – медленно проговорил он, будто бы жара уменьшила скорость его речи процентов на пятьдесят, – отец сохранял все негативы. Я хотел выбросить их, но потом где-то прочитал, что их можно хорошо продать на Ебай, но нужно оцифровать, чтобы выставить. А до этого руки пока не дошли. – Он повернулся и махнул рукой, – шкаф там, в конце коридора направо в кладовке. Но я... скоро закрываюсь. Может быть, полчаса еще и все. Видите, людей нет. Жара такая. – Он вытер пот со лба рукой.

– Спасибо. Я постараюсь быстро.

Он проводил меня до кладовки.

– Вот он.

Здоровенный метра четыре длиной старый советский шкаф был с пола до потолка забит материалами, негативами и позитивами в пожелтевших конвертах, фотографиями и альбомами, вырезками газет, грамотами и книгами по фотографии. От всего этого богатства у меня разбежались глаза.

– Ни фиги себе... – присвистнул я.

– Да, – сказал он. – Если позволите, я пойду в кабинет. Там прохладнее немного.

– Конечно.

Фотограф ушел.

Я потянул за один конверт, второй, третий. Очень скоро я понял, что все они уложены в довольную стройную систему и через десять минут нашел свой год и свою школу. Одновременно в год моего выпуска у него же фотографировался всем составом Универсам «Московский», детский сад «Аленушка», воинская часть №3320, Дворец пионеров и еще полсотни организаций.

Нужный конверт своего класса я отыскал еще минут через семь. Одиннадцатый «Б» седьмой школы 1990 года выпуска. Это был он.

Мои руки задрожали. Прямо сейчас в этом шкафу передо мной были фотографии людей из того времени, все они как на ладони, один за одним, все они смотрели в будущее с надеждой, предвкушением, радостью...

Я открыл конверт.

– Может не стоит? – проснулся вдруг внутренний голос. – Положи ты его на место. Не трогай. И другие конверты тоже не смотри.

– Заткнись, – попросил я его и оглянулся. Мне показалось, что... но нет, за спиной никого не было.

В конверте было несколько листов широкоформатной пленки 18 на 24 сантиметра и отрезки обычной пленки. Я помнил, что общие фотографии фотограф делал на большую камеру – возможно ту, что стояла на треноге на входе, а уже отдельные портреты он щелкал на «ЗЕНИТ».

Я поднялся. Голова тут же закружилась. Вытащил большой лист пленки и посмотрел его на просвет.

– Ничего не понятно, – сказал я, вглядываясь в лица. Кадр был негативным. Однако сердце застучало еще быстрее.

Я нашел кабинет фотографа, постучал в дверь и вошел.

Мужчина сидел за столом перед компьютером, на столе располагался вентилятор и обдувал его одутловатое лицо.

– Нашли? – спросил он, не поворачивая головы от экрана.

– Да, – сказал я, показывая ему конверт, – кажется да. Я хотел бы купить у вас его.

– Да не проблема. Две тыщи устроит?

– Тысячу дам.

– Окей, – с легкостью согласился мужчина.

Я протянул ему влажную купюру, и он сунул ее в карман рубашки.

– Хоть на что-то батины архивы сгодятся. Пивка попью.

Я кивнул.

– Вы не могли бы помочь мне посмотреть, там негативное изображение и ничего не видно.

– Я мог бы и распечатать...

– Это же долго...

– Да ну, отсканирую, переведу негатив в позитив и выведу на принтере. Две минуты и пятьсот рублей.

– Двести.

– Давайте пленку.

Я протянул ему кадр. Он мельком глянул на него и сунул в сканер, нашел кнопку.

После того как зеленый луч прошелся по негативу, мужчина сел за компьютер, застучал по клавишам. Через две минуты принтер выдал изображение размером А4. Он протянул его мне, потом повернулся взял с полки конверт.

– Вот, это бесплатно.

– Благодарю.

Я взял фотографию, негатив и конверт и вышел из кабинета.

– Обращайтесь, – крикнул он мне вдогонку.

Давно я так не волновался, если честно. Присел на диван тут же, в ателье, вытер с глаз пот, уставился на фото. Изображение было четким и резким. Цвета яркими и насыщенными. Я всматривался в лица и... никого не узнавал. Все эти люди, эти ребята, дружно устроившиеся для группового снимка, были мне незнакомы. Я даже подумал, что перепутал конверт, взял не свой класс, не свой год или вовсе не свою школу. А может быть, перепутал не я, а фотограф, когда раскладывал негативы.

Только вот...

Справа в углу фотографии на меня смотрел знакомый парень. Чуть насмешливый взгляд серых глаз, отросшие волосы, слегка сбившийся, неумело завязанный галстук.

Этим парнем был я.

Глава 5

На ватных, абсолютно непослушных ногах я вышел из мрачного здания. Вахтерша с каменным лицом проводила меня до дверей.

– Что здесь творится? – пробормотал я и уставился на небо.

Сорок минут назад оно было голубым, солнце светило почти отвесно, а теперь сплошь – от края до края надо городом повисла почти черная грозовая туча. В воздухе ощутимо пахло озоном.

Внезапно дверь позади меня хлопнула и на плечо мне опустилась рука.

– Послушайте...

Я резко обернулся, готовый к любой неожиданности. Позади стоял фотограф с пухлыми губами.

– Что?!

Я вдруг подумал, что он хочет еще денег или вовсе решил вернуть снимок и приготовился отказать. Причем в грубой форме. Нервы к этому моменту были на пределе.

Мужчина видимо испугался моего выражение лица.

– Простите... вы меня не узнаете?

Мне не нужно было всматриваться в обрюзгшее лицо любителя пива, чтобы без заминки сказать:

– Нет.

– А я вас сразу узнал.

– Очень рад.

Я был уверен, что он обознался. Хотя как знать...

– Мы учились в одном классе! Тоха, ты что, не узнаешь меня, я же Кент!

Я отступил на шаг, потому что изо рта этого человека неприятно пахло и он старался подойти ко мне как можно ближе, видимо, желая показать некую нашу близость в его воображаемом прошлом.

– Простите, я впервые вас вижу.

– Да ты что, Тоха! Ты же Антон Михайлов. А я Кеша, Кент, Иннокентий Фельдман! – от радости его маленькие глазки заплыли за орбиты, и я испугался, как бы они там не остались навсегда. – Я сидел на третьей парте, а ты на второй, прямо передо мной. Все десять лет!

– Да уж...

– Я бы тебя не узнал, но думаю, дай посмотрю, что я там распечатал: глядь, а это ж наш класс – одиннадцатый «В» седьмой школы.

– Бэ, – поправил я его.

– Конечно вэ, – сказал он, продолжая улыбаться. – Кстати... куда ты запропастился после школы? Мы пытались тебя найти, но ты как сквозь землю провалился. Ни разу на встречу выпускников не пришел... – Его рот изобразил театральное недовольство, и я подумал, что еще минута такого общества и мне придется применить кое-какие приемы бразильского джиуджитсу, чтобы заставить фотографа замолчать. – Ну ладно... вижу ты не в настроении... может по пивку? За встречу?

Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг сказал:

– А давай!

– Во! Вот это дело! Здесь за углом неплохая забегаловка с крафтовым пивом и все такое. Да ты знаешь, наверное, «Бирбокс», там Светка Алексеенко работает, – фотограф сально подмигнул мне. – Помнишь Светку? Ты с ней гулял какое-то время и...

– Помню.

– О! – сказал он. – Тогда идем, а то сейчас ливанет!

Я теперь получше разглядел его – он был толстым, килограммов на сто двадцать, но при этом довольно энергичным, хотя и изрядно помятым, как бы побитым жизнью. Типичный фотограф, короче.

Кеша юркнул куда-то за угол, и я пошел за ним. Он постоянно оборачивался, не забывая постоянно улыбаться. При этом слова из его текли не переставая. Однако я подумал, что стоит немного потерпеть – возможно мне удастся пролить свет на то, что здесь происходит. И почему я...

– Кстати... – Кент в очередной раз обернулся, чтобы удостовериться, что я никуда не делся. – ...нафига тебе понадобилась эта фотка? Ну... с выпускного?

Первая крупная капля дождя упала мне на лоб и тут же небо прорезала яркая вспышка, такая мощная, что я зажмурился. Мне много раз в джунглях приходилось наблюдать такие молнии, особенно в сезон дождей, но я так и не смог привыкнуть к ним.

– Я... просто я поте...

Грянул гром и заглушил мои слова.

– Батя у меня молоток, согласен? – мой новый старый приятель схватил меня за руку и потянул куда-то вниз по крутой лестнице – в этот момент разразился ливень и капли пулеметной очередью застучали по жестяному навесу.

– Ка-айф... – толстяк посмотрел вверх и вдохнул искрящийся озоном воздух.

– Да... – неожиданно согласился я.

Он отворил красную дверь с ржавой подковой, и мы вошли в темное прокуренное помещение с низким потолком. Из колонок доносился ритмичный блюз, за барной стойкой стоял высокий лысый бармен с полотенцем на плече. При нашем появлении он кивнул толстяку.

– Саня, нам два пива крепких, две водки и закуски какой-нибудь.

Бармен двинул плечом – тем, что с полотенцем.

– Светка сегодня на смене?

– Ага.

Кент обернулся и снова подмигнул мне.

– Повезло.

Мы прошли в дальний угол и уселись на довольно удобные диванчики, разделенные прямоугольным столиком.

– Ну что, был здесь? – фотограф пытливо посмотрел на меня, взял меню, подвинул к себе пепельницу, потом снова вернул ее к центру стола.

– Нет.

– Странно, – сказал он.

Я тоже думал, что это странно. Потому что, насколько я помнил, в этом подвальчике (по крайней мере, когда я данным-давно проходил мимо) располагался не то ремонт обуви, не то пункт охраны общественного порядка, а потом и вовсе там открылся зоомагазин.

– Ну... рассказывай... – толстяк закурил сигарету и уставился на меня. Впрочем, он тут же расплылся в улыбке и поднял свое круглое лицо вверх.

Я повернул голову и замер.

Девушка, которая остановилась возле нашего стола с подносом в руках... сигарета выпала из моей руки и закатилась под стол.

Она не видела моего лица, улыбаясь лишь толстяку. Но когда я повернулся, поднос дрогнул в ее руках, высокие запотевшие бокалы пива звякнули друг о друга. Она застыла, глядя на меня и мне показалось, что время остановилось. В эту секунду я не то, чтобы вспомнил, скорее пережил заново все, что было и чего не было, что случилось и все, что я себе нафантазировал.

– Ты? – только и сказала она. Потом быстро поставила поднос на стол и ушла так быстро, что меня захлестнуло шлейфом ее тонких духов.

Я перевел взгляд на Кешу. Или как там его.

Он таращился на меня и казалось, его глаза сейчас вот-вот выпадут из глазниц.

– Это... что такое было? – наконец произнес он.

Я взял бокал. Моя рука довольно заметно дрожала. Сделал большой глоток, потом взял стопку водки и опрокинул ее в рот. Выдохнул.

– Во дела... – Кеша потянулся к стопке. – Ты бы... сказал, что ли... предупредил как-нибудь... что происходит, Тоха?

Мне нужно было что-то сказать, сделать, ответить, может быть, даже броситься за ней, но мысли словно испуганные лошадки притихли и не отвечивали.

Я чувствовал себя словно прибитым к этому проклятому дивану – не в силах пошевелиться и сказать хоть слово.

Толстяк молчал. Я тоже молчал.

Мы встречались. Это была правда.

Я поднялся и быстрым шагом пошел к закрытому бамбуковыми шторками дверному проему, в котором исчезла Света.

Нырнул внутрь, прошел мимо кухни. Возле плиты колдовал мужик в белом поварском фартуке и колпаке. Он даже не взглянул на меня, напевая что-то под нос. В его правой руке блеснул длинный широкий нож, на лезвии которого отпечатались капельки свежей крови.

Я прошел дальше и попал некое подобие подсобки – в полумраке на стеллажах с пола до потолка лежали коробки, стояли ящики со спиртным, сигареты и всякая всячина. Слева гудел здоровенный холодильный шкаф. На одной его дверце красовалась журнальная фотография Димы Билана, к голове которого кто-то пририсовал лисьи ушки, а на другой плакат «Родина-мать» с заголовком «Не болтай!». Над головой женщины в красном платке было написано:

«БУДЬ НА ЧЕКУ
В ТАКИЕ ДНИ
ПОДСЛУШИВАЮТ СТЕНЫ.
НЕДАЛЕКО ОТ БОЛТОВНИ
И СПЛЕТНИ
ДО ИЗМЕНЫ.»

Спереди хлопнула дверь, потянуло сигаретным дымом, я услышал шум дождя.

– Черт... – вырвалось у меня.

Сердце трепетало, словно у первоклассника.

Это был черный ход, пожарный выход. Сверху горела тусклая лампа. Я толкнул дверь и сразу же увидел ее.

Она стояла спиной под небольшим плексигласовым навесом. Стекающие с него струйки воды падали на ее русые волосы. Плечи вздрагивали.

Она не повернулась, когда я вышел, но заметно сжалась, словно ожидая удара.

Я не знал, что делать. Я не знал, как себя вести.

– Света... – сказал я.

Она резко повернулась и вlepила мне звучную пощечину. Мгновение мы смотрели друг другу в глаза, а потом она бросилась мне на грудь и разрыдалась.

– Как?.. Как ты мог? Антон? Почему ты пропал и ничего мне не написал? Ты бы мог хотя бы... хотя бы одно слово сказать... чтобы я так не переживала за тебя...

Я гладил ее по спине, по мокрым волосам, слушал ее голос и ничего не понимал.

– Это была плановая...

– Не надо, Антон... тебя не было пять лет. Два года назад мы столкнулись на рынке, ты вел себя как-то странно, а едва мы дошли до кафе, ты снова пропал. И вот теперь... – Света выдержала паузу. – Скажи прямо, у тебя кто-то есть? Зачем ты меня мучаешь?! – на ее глаза вновь навернулись слезы.

– У меня никого кроме тебя нет, – сказал я твердо. Так оно и было. Дело у нас шло к свадьбе. Да, мои командировки мешали нашим отношениям, но теперь, когда мы даже наметили дату свадьбы... к чему, зачем она это мне все говорит?

– Когда ты заканчиваешь? – тихо спросил я.

– Я уже закончила, – она покачала головой. – Заберу сумку.

Света скрылась за дверью запасного выхода и честно говоря, я думал, что она не вернется. Однако через пару минут она вышла с черной сумкой через плечо, без слов подошла и поцеловала меня прямо в губы.

Честно говоря, я подумал, что все это мне снится.

– Я не знаю, что ты скажешь на этот раз... что ты придумаешь... да это и не важно, – сказала она, когда наконец, этот бесконечный поцелуй прервался. Я знаю одно – сегодня ты мой.

Света схватила меня за руку и не обращая внимание на ливень, вытащила меня из укрытия и повлекла за собой, прыгая через лужи, смеясь и встряхивая головой – точно озорная девчонка. Редкие прохожие оборачивались на нас и улыбались, а некоторые крутили пальцем у виска.

И я постепенно даже забыл о всем том, что произошло, об этом чертовом фотоальбоме, о квартире моего друга, в которой я его не нашел, о посещении полиции и молоденьком лейтенанте, который проявил себя человеком, о том, что он, наконец, даже нашел Петра, но потом что-то случилось и... я остался с фотокарточкой от Полароида и номером телефона, по которому теперь точно не собирался звонить и... еще много других событий – странных, будоражащих, пугающих и даже... попросту опасных.

Но теперь я чувствовал себя в своей колее. Светка со мной, а остальное неважно. Весь мир подождет, – так, кажется, говорится в какой-то рекламе. Так вот, пусть подождет.

Мы свернули в какой-то переулок, смеясь и дурачась пробежали прямо по центру огромной лужи, вымокнув теперь уж полностью без остатка, затем она потянула меня подъезд старого дома, – ни его самого ни такой улицы я не помнил. К моему удивлению, мы вынырнули с другой стороны дома, я чуть не поскользнулся на брусчатке, и она сделала умильное лицо.

И все это время мы обнимались и целовались как ненормальные, как сбрендившие от страсти подростки. Что греха таить – моя голова шла кругом от чувств, эмоций и переживаний.

Наконец, изрядно набесившись, мы свернули ну узкую улочку, виляющую среди вековых дубов и там, юркнули в какой-то из двухэтажных домиков, неотличимых друг от друга. В самом доме царил тишина. Она открыла дверь на втором этаже, ну а дальше... мы больше не могли сдерживаться и ничто нас не сдерживало.

Не знаю, сколько времени прошло, – наверное, много, потому что уже стемнело и по потолку над кроватью, на которой мы лежали, блуждали ленивые тени толстых ветвей. Дождь почти перестал, но его свежее дыхание продолжало витать над нами.

– Тебе надо исчезать почаще, – вдруг сказала она.

Я повернул голову и посмотрел на нее.

– Ты же не Антон, – продолжила она. – Точнее, не настоящий Антон, другой. Ты... другой. Я угадала?

Какой-то липкий холод прокрался под простыни, и я весь покрылся мурашками.

– Петьку я давно знаю. Похотливый сукин сын. Но ты...

– Что?

– Я знаю своего Антона как свои пять пальцев. Так что... – она слегка улыбнулась. –

Скажи мне спасибо.

– За что?

– За то, что спасла твою задницу.

– Именно.

– Не понимаю. От чего спасла?

Она привсталла на локоть и наклонилась надо мной. Ее локон коснулся моего лица.

– Понятия не имею. Но когда я вернулась за сумкой, Кеша куда-то позвонил, и я слышала, как он сказал: «Это он, вы просили сообщить, если... Да, я абсолютно уверен, он искал фотографию и потом распечатал ее. Сейчас он ушел с официанткой. Нет, я не знаю, где она живет»

Я опешил. Попытался подняться, но Света легким движением удержала меня.

– Здесь ты в безопасности. Это квартира моей подруги, она уехала в Штаты на стажировку и попросила присмотреть. – Она помолчала, рисуя на моей груди своим пальчиком какой-то узор. – Не знаю, что ты натворил и как ты... стал Антоном... но в постели ты очень хорош.

Сумбур в голове нарастал. Мне хотелось вскочить и заорать, будто бы это могло как-то разрядить и даже решить ситуацию, но вместо этого я обернулся на открытую форточку и тихо сказал:

– У твоей подруги здесь есть что-нибудь выпить?

В холодильнике нашлась початая бутылка джина. Я налил себе на два пальца и махом выпил. Легче не стало, но дрожь унялась.

Кому я мог перейти дорогу, чтобы такое сделать? Никому. У меня не было столь могущественных врагов. А из немощных я мог назвать лишь ответственного секретаря научного журнала «Вопросы языкознания» Аркадия Веточкина, который, судя по всему, не включил меня в гонорарную ведомость.

Но вряд ли Аркаша смог бы организовать что-то подобное под одной простой причине – с фантазией у него было туго. А здесь, судя по всему, действовал парень, знающий толк в извращениях.

– Знаешь что? – вдруг сказала Света, наблюдая за мной с помятой кровати.

Я покачал головой.

– Ты чертовски хорошо смотришься в этой полутьме, и я кажется... готова повторить.

Я клацнул зубами о стакан.

– А если серьезно... у тебя есть гараж?

– Нет и никогда не было. У меня даже прав нет.

– Во-от... – задумчиво произнесла Света. – Я же говорю, ты не тот, за кого себя выдаешь.

– Не понимаю. Выражайся яснее. Мне вот-вот открутят голову просто потому, что она есть.

– У моего Антона был гараж. И он пропадал там сутками, когда был в городе.

– У твоего Антона? – иголка ревности кольнула мое самолюбие.

– Ну ладно, у тебя... но ты же сам говоришь, что у тебя нет никакого гаража.

Я примирительно вздохнул.

– Ты знаешь, как его найти, этот гараж?

– Общество «Октябрь», седьмой ряд номер тридцать семь.

– Откуда...

– Ты... то есть он сам мне сказал: «Если что-то случится, просто запомни этот номер».

– А ключ?

– Ключ слева под водосточной трубой.

Я аж привстал со стула, поставил стакан на стол и произнес:

– Тогда едем! Ты знаешь, где это?

– Тебе это дорого будет стоить.

– Я согласен на любую цену.

Света подмигнула, затем ловко соскочила с кровати, подошла почти вплотную и обвила тонкими руками мою шею.

– Ловлю на слове. Идем.

Глава 6

- Плохая идея была идти куда-то на ночь глядя.
- Как будто у меня есть выбор.
- У тебя выбор точно был, – Света сверкнула глазами.

С этим трудно было не согласиться. Я обнял ее за талию. Со стороны мы походили на загулявших влюбленных, к тому же слегка нетрезвых. Идеальная маскировка. Впрочем, какая маскировка? Все по-настоящему.

– Он никогда не говорил, что там, в этом гараже? В смысле... я. Я не говорил? – Я посмотрел на Свету и подумал, что, пожалуй, ни разу не чувствовал себя настолько по-дурацки. Даже когда однажды на первом курсе института приперся в женское отделение больницы, чтобы поддержать девушку, которую, как мне казалось, я любил и она (как мне казалось) отвечала взаимностью, и встретил прямо в фойе ее и своего однокурсника, который стоял перед ней на коленях, а она лобызала его золотистые кудри и пухлые щеки. Наверняка, их тоже нет по прежним адресам, именам и фамилиям, – подумал я и одновременно удивился тому, что – «Света же есть. Вот она!»

Она была там, и она есть тут. И мы знакомы.

– Ты помнишь, как мы познакомились? – спросил я.

Она странно посмотрела на меня.

– А ты – нет? Хотя... конечно. Ты же...

– Черт! Я не про то, какой я... как мы... ладно, как ты познакомилась с этим... тем Антоном? У которого этот чертов гараж?

Она улыбнулась.

– Мне нравится, когда ты кипятишься. И злишься. Люблю выводить тебя из себя.

– Даже не думай. Со мной этот номер не пройдет. Это ты на том парне могла отрываться.

– Еще как пройдет, – ямочки на ее щеках стали еще привлекательнее, и я подумал:

«Она права. Еще как пройдет».

Я повернулся и поцеловал ее.

– Как вы будете меня делить? – засмеялась она.

Я вздохнул и смиренно произнес.

– Так как ты с ним познакомилась?

– О, эта довольно тривиальная история. У меня сломались наручные часы, и я поехала отвезить их в ремонт. Передо мной стоял парень, я даже не видела его лица. Он забирал уже готовый заказ и когда мастер положил его на прилавок, я узнала свои часы. Представь? Ну конечно, это были не мои часы, а всего лишь очень похожие. Но я знала, что часы очень редкие. Мы как-то разговорились. Оказалось, что это часы его матери и он тоже их ремонтировал. Более того, выяснилось, что мы учимся в одной школе...

– Седьмой...

– Да. Только я была младше на класс.

– Господи... а что за часы?

Света с тревогой посмотрела на меня.

– Это имеет какое-то значение? У тебя ни гаража, ни часо...

– Что это были за часы?! – я остановился, взял ее за локоть и повернул к себе.

– Эй... ты чего?!

Я тут же осекся. Меня кинуло в жар, потом в холод.

– Прости... просто... Это были золотые часы «Чайка» семнадцать камней с римскими цифрами IX, XII, III и VI и золотыми же точками на циферблате?

Она удивленно взглянула на меня.

– Да... да, верно! Как точно ты их описал! Единственная мастерская в городе, где ремонтировали золотые часы находилась на проспекте Мира... но... откуда ты знаешь? У тебя тоже были эти часы?

– Это часы моей мамы, которые я разобрал в детском саду и выбросил с шестого этажа. От этих часов мне нужна была только стальная задняя панелька, чтобы пускать солнечных зайчиков. Дети в саду пускали этих проклятых солнечных зайцев и мне очень нужна была такая же штукovina. Задняя крышка от часов подошла на эту роль просто отлично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.